

Впрочем, три дня спустя не понадобилось вмешательство Тайчана для авторитетного подтверждения. Лунное затмение и багровое свечение в небесах — знамения не из тех, что возникают внезапно. Уже к вечеру, когда небосклон окрасился в сумрачные тона, очертания луны в сгущающихся сумерках выглядели весьма необычно. А около восьми часов вечера Сын Неба, нарушив многолетний обычай, отправил придворную гвардию с личным указом. Всадники, презрев комендантский час, промчались по ночным улицам к Восточному рынку, где в срочном порядке вытащили из постелей только что отошедшую ко сну четвёрку заклинателей. Их усадили на коней и во весь опор доставили напрямик в парк Шанлинь.

О чём эти люди совещались с императором, вероятно, не знал и шестой человек во всей Поднебесной. Однако на следующее утро высшая знать Чанъаня, всегда осведомлённая о дворцовых делах, была повергнута в глубочайший шок. Ровно в половине шестого утра монарх издал новый указ, которым возвышал вчерашних лангуаней до ранга шичжунов с жалованьем в тысячу даней. Это означало их официальное вхождение в круг высших сановников внутреннего двора.

Само по себе стремительное возвышение до тысячи даней за три дня не было чем-то неслыханным, но вот время обнародования распоряжения вызвало удивление. Общеизвестно, что утренняя аудиенция при дворе Хань начиналась в пять пятнадцать утра, когда чиновники отмечались о прибытии. Тот факт, что указ был обнародован спустя всего полчаса, говорил о том, что государь, должно быть, отправил гонца к дверям резиденции канцлера ещё ночью. Похоже, приказ составляли и утверждали в такой спешке, что едва успели соблюсти формальности. Подобная поспешность, граничащая с неприличием, наносила ущерб достоинству самого двора!

Однако самое поразительное было ещё впереди. В половине двенадцатого из парка Шанлинь вновь прибыл гонец с личным письмом Сына Неба, согласно которому Му Ци назначался шичжуном и великим дворцовым управителем. Ему жаловалось пятьсот цзиней золота, тысяча рулонов шёлка и несчётное количество других драгоценностей. Около четырёх часов дня последовало третье распоряжение: господину Му даровалась серебряная печать с пурпурным шнуром, дающая право беспрепятственно входить во дворец Вэйян для личной аудиенции. Кроме того, ему был пожалован титул великого вождя простолюдинов, а также поместье и земли.

Любой сведущий человек мог с первого взгляда понять: император пожаловал ему этот титул, а не ранг хоу в пределах заставы или, тем более, наследственного хоу, не из скупости. Просто для возведения в ранг хоу требовалось обсуждение и согласие канцлера и девяти великих министров, и продавить такое решение силой было бы затруднительно. Иными словами, это была высшая награда, которую правитель мог даровать своей единоличной властью, не прибегая к сложным процедурам!

Головокружительное возвышение за один день; такая скорость и решительность превосходили самые смелые фантазии всех сановников Чанъаня. Им доводилось видеть фаворитов, взлетающих благодаря монаршей милости, но даже в былые времена ни Синьюань Пин, ни Ли Шаоцзюнь не достаивались столь бесцеремонного продвижения!

Совесь-то у него есть?!

Столь откровенное превышение властью всех мыслимых границ вызвало глухое недовольство даже у самых покорных подданных. Канцлер и девять министров начали подумывать о том, чтобы, нарушив обычай, отклонить указ о пожаловании. Но около половины шестого вечера из парка Шанлинь доставили ещё одно письмо. Очевидно, Сын Неба, остыв от своего порыва, и сам понял, что перегнул палку. Теперь он спешил подвести под свои действия хоть какое-то обоснование, чтобы объяснить бюрократическому аппарату причину столь неслыханной щедрости.

В послании говорилось, что эта «исключительная милость» была вызвана двумя великими заслугами. Во-первых, пришельцы излечили государя от простуды, мучившей его больше месяца. Во-вторых, они подали ему мудрый совет, убедив умерить желания и сократить расходы, и этот совет был милостиво принят. В «Стратегиях Ци» сказано: «Тот из сановников, чиновников или простолюдинов, кто сможет в лицо указать на мои ошибки, получит высшую награду». Разве император, готовый заплатить тысячу золотых за кости скакуна, чтобы показать пример всем праведным мужам Поднебесной, не поступает в согласии с заветами древних?

Канцлер и девять министров по очереди передавали друг другу письмо, и холодный пот струился по их лбам. Честно говоря, если бы они не узнали почерк правителя, то сочли бы это письмо подделкой. И дело было не в «мудром совете» — Сын Неба при всей своей твёрдости нередко прислушивался к увещаниям. Самым поразительным было то, что, цитируя слова об «обличении ошибок», он, по сути, публично признавал, что и сам совершает промахи!

Император признал свою ошибку! Неужели с неба пошёл кровавый дождь?!

Что ещё более странно, судя по логике письма, монарх публично каялся лишь для того, чтобы на фоне собственных ошибок подчеркнуть исключительную важность преданного совета своих новых фаворитов и тем самым оправдать их награды. Во что это превращалось? Неужели он использовал репутацию императорской власти как ступеньку для возвышения любимчиков?!

Ваше Величество! Что же вы творите, Ваше Величество!

В тот миг тысячи возмущённых мыслей пронеслись в головах сановников. Даже Сюэ Цзэ, хоу Пинцзи, почувствовал головокружение и смятение. Конечно, всё это было от недостатка опыта и широты кругозора. Доведись ему почитать сетевую литературу две тысячи лет спустя, он бы сразу понял, что всё происходящее в точности соответствовало популярному сюжету: властный президент осыпает милостями свою наивную избранницу. Головокружительный взлёт в чинах и жалованье, пожалование титула и защита императорского слова за один день — такая любовь даже в бульварных романах была бы на вес золота.

Хоу Пинцзи, будучи потомком заслуженного мужа, несмотря на свою покладистость, всё же сохранял в душе искру достоинства. Сдержавшись несколько раз, он в конце концов не выдержал и вздохнул:

— Увы, Ваше Величество совсем потерял голову!

Парк Шанлинь

— Как тебе удалось так вскружить ему голову?

В своей временной резиденции вся компания сидела в кругу. Окна и двери были плотно закрыты, чтобы никто не мог подслушать. В центре, на почётном месте, скрестив ноги, восседал император. Выражение его лица было весьма недовольным.

Очевидно, неслыханная щедрость, проявленная в трёх указах за один день, вызвала наибольшее раздражение не у затронутых ею министров, а у самого господина Лю, чьё достоинство было задето. Хотя он и решил обвести своего двойника вокруг пальца, заставив его потерять самообладание, то, с какой лёгкостью Му Ци добился успеха, принесло ему чувство досады.

«Как можно быть таким бесхребетным!»

На этот вопрос, полный мрачного гнева, Му Ци ответил с лёгкой небрежностью:

— Возможно, потому что у меня есть опыт.

— Какой ещё опыт?

— Опыт служения государям, — пояснил юноша. — Ваше Величество знает, что я уже выполнял несколько заданий для Системы и сталкивался с парой-тройкой феодальных стариков... то есть императоров, которые так же раболепствовали перед духами, верили в мистику и были одержимы властью. После долгой практики опыт, естественно, появился.

Император: «...»

«Судя по твоим словам, я и есть тот самый феодальный старик, что раболепствует перед духами и одержим властью?»

Он хотел было вспылить и поставить этого несносного мальчишку на место, но слова застряли в горле. В конце концов, нужно было трезво смотреть на вещи. Если поднять шум, то в неловком положении окажется вовсе не «опытный» господин Му.

Поразмыслив, государь решил продолжить расспросы:

— Что он говорил тебе вчера, когда оставил для личной беседы?

Да, вчера, когда их в спешке доставили в парк Шанлинь, Сын Неба во время аудиенции сохранял внешнее спокойствие. Ничто не предвещало того безумия, которое разразится через шесть часов в виде потока щедрых даров. Но затем он оставил заклинателя Му для разговора наедине, и ситуация резко изменилась.

Даже методом исключения можно было догадаться, кто сыграл в этой перемене ключевую роль!

Честно говоря, вчера Вэй Цин и Хо Цюйбин сильно переживали за товарища. Они уже успели познакомиться с талантами господина Му и всерьёз опасались, что тот в порыве вдохновения ляпнет перед правителем что-нибудь похлеще «почечной недостаточности» или «супружеской дисгармонии». Да, император Хань обычно не казнил полезных ему людей. Но ведь нынешний Сын Неба был прямым потомком императора Сяо-цзина, и если бы он в гневе схватил что-нибудь тяжёлое и проломил этому болтуну голову, кто бы посмел ему возразить?

Однако, как оказалось, всё произошло с точностью до наоборот. Му Ци не только не разгневал государя, но и сумел задеть нужные струны в его душе, с лёгкостью достигнув поставленной цели. По их первоначальному плану на то, чтобы только приблизиться ко двору и завоевать доверие, должно было уйти не меньше двух месяцев. Но результат, достигнутый за одну ночь, превзошёл самые смелые ожидания.

На вопрос императора Му Ци ответил всё так же спокойно:

— Я лишь говорил правду.

— Какую правду?

— Он спросил меня, какие беды или блага предвещают лунное затмение и багровое свечение в небе. Я ответил как есть: оба этих явления — естественные процессы, и говорить о каких-то предзнаменованиях здесь не приходится.

Это была чистая правда. Но господин Лю всё ещё сомневался:

— И это всё?

— Чтобы подтвердить свои слова, — продолжил Му Ци, — я также рассчитал для него фазы луны на несколько месяцев вперёд и предсказал время следующего затмения.

Господин Лю нахмурился:

— Разве небесные явления можно предсказывать столь просто?

Он до сих пор полагал, что Му Ци черпает знания из исторических хроник будущего. Но «Исторические записки» содержали неполные сведения, многие детали в них были утеряны. Следовательно, если юноша мог с лёгкостью предоставить подробный прогноз, он определённо пользовался какими-то другими инструментами.

— Относительное движение Солнца, Луны и Земли с достаточной точностью описывается законами классической механики, — тихо пояснил Му Ци. — Конечно, багровое свечение, вероятно, связано с траекторией движения кометы. Это уже затрагивает проблему прецессии массивных тел в гравитационном поле, и здесь для расчётов потребуется общая теория относительности... Если Вашему Величеству интересно, я могу одолжить несколько справочников для самостоятельного изучения.

Император промолчал. К этому времени он уже понял, что в науке сложность термина прямо пропорциональна его трудности для понимания. Если ты даже не можешь разобрать название концепции, то, скорее всего, нет смысла и пытаться в ней разобраться.

— И вы говорили только об этом? — быстро сменил он тему.

— В общем-то, да, — сказал Му Ци. — Сын Неба велел мне оставить письменное ружательство, а затем приказал оставаться в парке Шанлинь и не покидать его пределов. Что было дальше, вам уже известно.

В комнате воцарилась тишина. Вэй Цин и Хо Цюйбин, стоявшие у дверей и окон, обменялись недоуменными взглядами. Они не сомневались в словах господина Му, но в таком случае реакция правителя была совершенно необъяснимой. Им и раньше доводилось видеть, как фавориты взлетали по карьерной лестнице, но те добивались своего положения лестью и подхалимством. Ли Шаоцзюнь обещал императору вечную жизнь, Цзян Чун — избавлял от врагов. Нужно было из кожи вон лезть, чтобы получить хоть один шанс на продвижение.

А теперь ответы Му Ци были полной противоположностью всем известным историям успеха. Что значит «небесные явления не связаны с бедами и благами»? Разве это не означает намеренное развеивание таинственности и отрицание того, во что верил государь?

Правда? Да кому нужна эта правда? Императору нужно было отношение!

Не проявить ни капли угодливости и при этом удостоиться неслыханной милости — о таком расположении ни Вэй Цин, ни Хо Цюйбин не могли и мечтать. В маленькой комнате повисло гнетущее чувство таинственного изумления.

Однако господин Лю лишь нахмурился, не придав особого значения этой «великой милости». Он лишь сказал:

— Раз так, напиши и мне тот прогноз лунных фаз, что ты дал «ему».

Му Ци с улыбкой посмотрел на него, но ничего не ответил.

Император помолчал.

— Хорошо... я прошу тебя написать мне этот прогноз. Ты сделаешь это?

Голос Му Ци прозвучал очень весело:

— Я, разумеется, повинуюсь священному приказу.

Господин Лю больше не обращал на него внимания. Он повернулся к двум своим верным сановникам у окна и спокойно отдал распоряжение:

— Готовьтесь. Возможно, нам придётся задержаться в парке Шанлинь на некоторое время. Но не стоит беспокоиться.

<http://bllate.org/book/16002/1501388>